

его мирную жизнь (военная не в счет, ибо на войне, мне кажется, человеком движет не страсть, а страх: просто у одних только за одного себя, а у других, таких как мой друг Анатолий Дмитриевич, — за семью, за Родину, за Отечество): строительство и краеведение. Впрочем, даже на войне он умудрялся иметь отношение к строительству: был сапером, одним из тех, кто ошибается только раз. Открывал пути-проходы, тропки и дороги и даже возводил леса — будущего мира. Инвалид Великой Отечественной, он впоследствии многие годы проработал на стройках Советского Союза и России. Отвечал за их качество. Взбирался по строительным лесам, проверяя каждый стык и каждую перевязь. В том числе и даже в первую очередь — собственными ногами. Одна из которых, еще с войны, — протез. В этом отношении строитель Анатолий Терновский сродни военному летчику Алексею Маресьеву. Натуральные высоты, которые они брали, разные, а высота духа, в общем-то, одна.

Ну а краеведение у этого человека буквально в крови. Еще его отец, всей округой уважаемый учитель, Дмитрий Андреевич Терновский, посвятил себя изучению истории и природы родного Предтепья. Заведовал в родном воронежском городке с вкусным, русским именем К а л а ч местным музеем. На фасаде здешней школы и сейчас есть доска с его именем. Сын, Анатолий Дмитриевич, всецело унаследовал эту благородную страсть. Может, это еще и война укрепила его в таком исключительно мирном увлечении: рассмотреть все сущее, зафиксировать в памяти и, по возможности, передать следующему, то есть — идущему следом.

Калач — так, повторяю, называется город, которому посвящена первая часть книги. К а л а ч... Это почти что метафора самой России. Как не стоит деревня без праведника, так и не стоит страна и без таких о п о р н ы х, основополагающих городков. Анатолий Терновский скрупулезно проследивает всю его трехсотлетнюю историю. Вспоминает всех его с т р о и т е л е й, создателей, защитников и просветителей. В книгах А. Терновского Калач и впрямь город хлебный — поднимается, как на дрожжах, на собственной привольной земле. Автор любовно описывает здесь и природу родного края, едва ли не каждую здешнюю былинку. К слову говоря, в собрании сочинений Анато-

Этот фундаментальный, заключительный том собрания сочинений Анатолия Терновского, можно сказать, дважды юбилейный. Да, так распорядилась судьба, что в год выхода книги в свет, 9 мая 2015 года, исполнилось 70 лет нашей Великой Победе в нашей же Великой Отечественной войне, а 31 мая этого же, 2015, года фронтовик, кавалер нескольких боевых орденов и медалей (и тяжелого боевого ранения, сделавшего его инвалидом) мой сокровенный старший друг отпраздновал и свое столетие.

Человек, проживший на белом свете сто лет, да еще такой крутой, почти неподъемной жизнью, которую иначе как п р е о д о л е н и е м и не назвать, уже сам по себе история. И любое его здоровое слово, обращенное к современникам и потомкам, — на вес золота. Зерно — дай только бог, чтобы оно падало в благодарную почву.

Книга Анатолия Терновского состоит из двух частей и отражает, в сущности, две страсти, которые и движут этим незаурядным человеком всю

лия Терновского, которое выпускала и выпускает «Художественная литература», очень заметное место занимает и том под названием «Народный домашний лечебник». Он пользуется интересом у читателей, особенно сегодня, когда попробуй достучись, вернее, д о п л а т и с ь, до официальной медицины. Советы Терновского достоверны уже хотя бы потому, что проверены на самом себе — назовите мне еще хотя бы одного целителя, дожившего до таких лет. И еще — потому, что у его советов и рецептов родная среднерусская почва: все травы, плоды и листья, о которых он упоминает, у всех нас буквально под рукой. Анатолий Дмитриевич вглядывается в них, каждое растение, каждую былинку знает не понаслышке. Возможно, в этом сказывается и природа самой его фамилии Т е р н о в с к и й.

Вторая часть книги посвящена военной истории глубинного тылового русского городка, который в свое время, в одночасье, стал прифронтовым. Опорный край державы — это не только могучий Урал, это и такие вот бесчисленные городки и селения, которые отдавали фронту все, чем располагали сами. Хлеб, портянки, махорку, порох... И самое бесценное — жизни. В 1941 году более 20 000 калачеевцев, едва ли не каждый третий, ушли защищать семью, родину, Родину. И с малой, и с большой. И почти половина их не вернулись. Анатолий Дмитриевич уходил вместе с ними, но судьба подарила ему счастье вернуться. И вот теперь в своей книге он в первую очередь воскрешает тех, кто трудным счастьем таким ока-

зался обиден. Многие-многие имена ветеранов Великой Отечественной найдете вы в этой книге. Многим Судьбам дает старый неутомимый писатель второе дыхание: и тем, кто увенчан большими звездами, включая Звезды Героев Советского Союза, и тем, кто удостоен звездочек на обелисках, и тем, кто вообще покоится в безымянных могилах... *Возвращает им венец, пусть даже не всегда лавровый.*

Терновский...

«Тернов мой венец». Увы, судьба примеряет его на каждого из нас... Где-то в эти же победные майские дни, в самый канун своего очередного дня рождения, Анатолий Дмитриевич потерял своего сына, к слову, моего ровесника, полковника российской армии Дмитрия Терновского. Еще раньше безвременно ушла из жизни жена Анатолия Дмитриевича, Валентина, память о которой он достойно несет по сей день...

И впрямь — праздник со слезами на глазах. Мне кажется, восстанавливая жизнь, историю своего родного края, Анатолий Дмитриевич восстанавливает, продлевает и жизнь своей семьи. Окруженный заботами своей дочери Людмилы, молодой порослью Терновских, пусть и под разными фамилиями, он по-прежнему верен двум своим благородным страстям: созидать и открывать. Строить и помнить. Солдат чьих-то близких и далеких жизней, солдат людской памяти потихонечку вошел и в свой сто первый год. И всем нам теплее, спокойнее и п а м я т л и в е е рядом с ним.

Георгий Пряхин, писатель, директор издательства «Художественная литература», академик Академии российской словесности